

В субботу Акафиста, Похвалы Пресвятой Богородицы, накануне Недели прп. Марии Египетской обратимся к проповеди священника Анатолия Жураковского (1897-1937), принявшего мученическую кончину за православную веру и в 1981 году канонизированного РПЦЗ.

Его путь к православному богословию и пастырскому служению, завершившийся исповедничеством, начинался в [Киевском Религиозно-философском обществе \(1908–1919\)](#), где его стал опекать, по просьбе отца, тогда еще и. д. доцента Университета св. Владимира Василий Васильевич Зеньковский, в ту пору – товарищ председателя КРФО. Здесь он познакомился с профессорами Киевской духовной академии, тут им со временем были прочитаны первые богословские доклады, напечатаны первые статьи в журнале «Христианская мысль». Спустя годы уже члены КРФО входили в его церковную общину и окормлялись у него.

Проповедь о. Анатолия раскрывает тот сокровенный смысл Пятой Недели Великого поста, который по большей части для нас остается закрытым, либо не понятным до конца. Он сосредоточивает наше внимание на том, что мы упускаем в насыщенных богослужениях этой седмицы: на соединении прославления великой святой – прп. Марии Египетской, из греховной бездны по лестнице истинного покаяния и смирения возведенной по благодати к вершинам обожения, и Похвалы Пресвятой Богородицы, ставшей Лествицей, по которой Господь сошел в мир «нашего ради спасения» и Своей Крестной смертью сделал возможным восхождение каждого, кто уверует и покается, в Царство Небесное.

Публикация: Анатолий Жураковский, священник. «Мы должны все претерпеть ради

Христа...»: проповеди, богословские эссе, письмо из ссылки к своей пастве / Сост., авт. биогр. очерка и коммент. П. Г. Проценко. – М., 2008. – С. 252–270.

Один церковный писатель сравнивает дни церковных воспоминаний, праздники, посты с храмами, построенными Богу. Но храмы эти созданы не в пространстве, а во времени. Бог живет вне времени и пространства, Он везде и нигде, но есть такие места, где особенно обнаруживается Его могущество и близость. Там мы особенно ощущаем близость Бога, промысел Его о нас. В разных храмах открываются нам разные дары благодати, разные явления горнего мира. В одних мы особенно ощущаем близость Божией Матери, в других – молитвенное соучастие в нашей молитве того или иного святого, в третьем нам открывается смысл того или иного события из земной жизни Богочеловека. Подобно тому, как Бог чужд формам пространства, чужд Он и формам времени – для Него не существует ни лет, ни месяцев, ни дней. Но есть времена, сроки, дни, когда мы особенно ощущаем действие благодати Божией, когда Бог бывает особенно нам близок. Это дни церковных памятей, посты и праздники. Вот эти-то дни – это как бы храмы, воздвигнутые Богу во времени. И вот, вероятно, самым величественным, самым грандиозным из всех этих храмов является Великий пост с примыкающей к нему Пятидесятницей. В храме этом множество икон, множество приделов, алтарей. Пятая неделя уже наступила, с тех пор как мы вступили под величественные своды этого храма. Каждая неделя – как бы придел, где нас встречают свои воспоминания и свои святыни, и мы переходим от образа к образу, от иконы к иконе, из придела в придел, от алтаря к алтарю. И вот в этом новом приделе пятой недели – новые видения и новые святыни. Вот образ Марии Египетской – великой подвижницы покаяния – блудницы, ставшей святой. О ней особенно вспоминает Церковь в эти дни. Вот ветхозаветные праздники, о них мы услышим завтра в великом каноне Андрея Критского. Вот трогательный пример новозаветной святости – это кающиеся грешники, мытари, блудницы. И они пройдут перед нами в тропарях канона. Но над всеми этими образами, воспоминаниями, видениями возносится один образ, одно видение – и это образ Матери Божией и Преподобной Приснодевы. Ведь известно, что эта пятая неделя поста заканчивается субботой, которая носит название Похвалы Пресвятой Богородицы или Субботы Акафиста, потому что в этот день прославляется Мать Божия и читается акафист в честь Ее. Исторические воспоминания, связанные с этим днем, отличаются сложностью. По-видимому, как думают ученые, первоначально день этот был просто днем празднования Благовещения. Читаемый в этот день акафист представляет собой так называемый «кантакион» в честь Благовещения и не имеет формы акафиста. Действительно, если мы отбросим призывания, обращенные к Богородице: «Радуйся», то мы увидим, что в своем основном содержании акафист посвящен раскрытию догматического смысла события Благовещения. Призывания

«радуйся», а также и первый кондак «Взбранной Воеводе» являются позднейшими прибавками. В дальнейшем воспоминания Благовещения осложнились целым рядом других воспоминаний, связанных с историей Византии, особенно о событиях, в которых видели проявление особой милости Божией Матери. Наконец служба Благовещения вовсе отделилась от службы этой субботы и была перенесена на другой день. Этот же день стал днем гимна в честь Богоматери, днем прославления Ее не за какие-нибудь отдельные проявления Ее любви, а за Ее Божественную красоту и ни с чем не сравнимое совершенство. Бывает так, что, когда путник идет долгим и трудным путем, он останавливается где-нибудь у ручейка, под тенью дерева, отдыхает от пережитых в пути испытаний, набирается сил для дальнейшего путешествия. Мы идем сейчас нелегким путем, проходим поприще Великого поста. Церковь пробуждает нашу спящую совесть множеством воспоминаний и утрачений, скорбных и тревожащих. Вот только что она звала нас на поклонение Святому Кресту, звала к созерцанию страшной крестной тайны. И она готовит нас теперь к новым, еще более волнующим воспоминаниям – скоро начнутся Страстные дни, и она поведет нас шаг за шагом за Христом по Его Страстному пути, туда, на Голгофу, к последнему пределу Его смерти. Но вот в эти дни, в дни прославления Божией Матери, Церковь как бы хочет дать отдых, утешение нашей душе, после всего пережитого вдохнуть новые силы для того, что еще надо пережить, и она обращает наши взоры к Великой Утешительнице человеческого рода, подводит под Ее спасительную сень. Никогда, быть может, не ощущаем мы так ярко бессилие человеческого слова, как именно тогда, когда пытаемся говорить о Богоматери. И нам ли говорить о Ней? Нашими ли грешными и порочными устами произносить Ее имя, нашими ли помыслами, погруженными в тщету, касаться Ее Божественных риз? Поднимем взоры туда, к Ней, к небесным высотам, и видим мы только бездонную лазурь, только края клубящегося высоко над облаками омофора. Нет образа более горнего, более возносящегося над миром, чем Ее образ. И, однако, нет образа более близкого нам, более откровенно связанного со всей нашей жизнью, чем Она. Не только все в церковной жизни, в нашем благодатном духовном опыте, но даже все в нашем естественном земном существовании полно предчувствий, предварений, прообразов Ее и встречи с Нею. Прежде чем появляется человек на свет, он живет в лоне своей матери, составляет неотъемлемую часть ее существа. И когда он рождается, неразрывная связь всего его организма с материнским лоном нарушается. Он питается плотью матери, согревается ее теплом, живет ее жизнью. Первое слово, которое произносит ребенок, – это имя матери, и первое чувство, пробуждающееся в его душе, — это чувство даже не любви к матери, а совершенного единства с ней, совершенной зависимости от нее, успокоения в ней. Вот это-то естественное отношение естественного человека–ребенка к матери заключает в себе прообраз отношения возрожденного человека–христианина к Матери Жизни и Света, к Приснодеве. Так же, как там, в мире естественных человеческих отношений, и здесь, в мире благодати духовной, человек живет жизнью Матери, питается Ее теплом, и его основное чувство, основное переживание, самоопределение всего существа – это сознание совершенной зависимости от Нее, неразрывного единства с Нею. Как для ребенка в единстве с матерью, так и для духовного человека в единстве с Приснодевой – залог жизни и спасения. Когда маленького человека, ребенка, при первых проблесках зарождающегося сознания подносят к иконе Божией Матери, образ этой Женщины с Младенцем сливается в его душе с образом его матери. Так естественно любовь к

виновнице нашего природного бытия является в нас стихией, которая потом преобразуется в таинственную благодатную связь с Матерью Света и служит символом и прообразом этой связи. Но проходят годы, ребенок растет, становится постепенно отроком, юношей, взрослым человеком. И с течением лет изменяется в его сердце отношение к матери. Может быть, он любит ее по-прежнему, может быть, благоговееет перед нею, но теперь это чувство любви и благоговения не заполняет собою, как прежде, всей полноты его существования, не является единственным и всепроницающим. Понятия «жизнь» и «мать» не совпадают для него больше, полноту совершенства, полноту жизни он уже не ищет, как раньше, в одном только образе матери. Он ищет новых воплощений этой полноты. Приходят новые встречи, рождаются новые отношения. Но каждая встреча и каждое отношение неизбежно оставляет в душе томительное чувство неудовлетворенности. То, что вначале кажется совершенным воплощением полноты, то потом неизбежно обнаруживает ущербность и скудость. И благо человеку, если он в ранние годы, в годы своей молодости узнает и поймет, что нельзя найти горнего в дольном, что все земные встречи и все земные отношения — только символы, только преддверия таинственной встречи с Единой Чистой и Благословенной. Если ему откроется это — он не растратит жар души в пустыне. Как рыцарь бедный, будет иметь он «одно виденье, непостижное уму» и сгорит душою в безумии своей ненасытной для мира любви. Горе человеку, если он забудет о горнем, если в земном будет искать полноты, сокрытой в вечности. От встречи будет переходить к встрече, от отношений к отношениям, оскверняя самое святое имя — любовь, и новая встреча будет все больше и больше опустошать душу, разлагать ее в бесплодном томлении, покрывать покровом тления и нечистоты. Но даже на этом пути саморазложения души, в губительном пристрастии к вещественным стихиям мира сохранит он до самого конца, до самой смерти, если только не снизойдет на самое дно ада, где-то в своей сокровенной глубине возвышающую, волнующую и спасающую тоску о не найденном на земле видении Вечнодевственного, о неосуществленной и всегда вожделенной встрече. Мне вспоминается поэма одного русского поэта. В этой поэме вспоминает он о скитаниях жизненного пути. В начале говорит он о своей матери, о первом встретившем его на заре жизни образе. Но вот, в последних строфах, относящихся уже к начинающейся старости, к наступающей осени жизни, он после всех своих странствий возвращается снова к ней, к матери, и поет тихий предвечный гимн, но в словах этого гимна земной образ вырастает, переступает через все пределы, сливается с горним видением Матери Жизни, и там, в никогда не оскудевающем лоне, ищет он теперь, после всех тягостных разочарований, неложного утешения, освобождения от томительного плена пристрастий, свершения обманутых жизнью надежд, восполнения поруганной и растраченной на распутьях чистоты. Так от колыбели и до темной могилы реет и носится над нами одинокая вечноженственная тень, и первый лепет младенца, и бурные волнения юности, и томительная тоска приближающейся смерти — все эти неосознанные порывы души к ней, единой, не осуществленной на земле встрече. И все земное — только символ, только прообраз и предварение этой встречи. Но так не только в нашей личной жизни. И жизнь человечества в целом полна теми же впечатлениями, таит в себе бесчисленные множества предварений, предчувствий и символов. Вот история избранного израильского народа. Вся история эта, как раскрывается она в церковном сознании, в понимании святых отцов и в нашем богослужении, не что иное, как цепь прообразов и

символов грядущей и вожденной тайны Приснодевы и Богоматери. Вот видение Иакова – утвержденная от земли к небу лестница. Вот неопалимая, горящая и негсгорающая купина, где открылся Бог Моисею. Это Ее символ, символ ненарушимых материнством чистоты и девства. Это Она – море Чермное, потопившее фараона мысленного, это Она – столп огненный и облачный, путеводящий в ночи и осеняющий днем благодатным покровом. Это Она – «преукрашенная Царица» псалмов и «прекрасная Невеста» Песни песней. Это Она – непроходимая, обращенная к Востоку дверь пророческих видений. Это Она – Таинственная Премудрость, созывающая мир с высоким проповеданием, уготовляющая вино и хлеб для новой трапезы. Так в Ветхом Завете, в истории народа иудейского все полно Ею и все говорит о Ней.

Но разве только в одной этой истории? Нет, и другие народы, и человечество в целом не были лишены до конца божественных откровений и жили той же, хотя, может быть, и более смутной, надеждой. И там, в иных символах и в иных прообразах, мы находим то же чаяние, то же устремление к тайне Единой Чистой Матери и Девы. Разве не о Ней говорят непревзойденные в истории достижения греческого искусства? Разве не предчувствием Ее всепобедительного совершенства дышат все эти несовершенные образы земной красоты и не предощушаем ли мы свидетельства о Ней и в народных мифах, и в философски-поэтических прозрениях? И в Египте с его сказаниями об Озирисе и Изиде, и в Финикии, и в Персии – всюду единство верований, единство мифов, единство прообразов и символов. Враги христианства и религии хотят обратить это единство в оружие, направленное против нас, а это единство говорит за нас. Оно свидетельствует о подлинно вселенском характере нашей надежды, о том, что Тот, в Кого мы веруем как в воплотившегося Бога, был не только славой израильского народа, но и «чаянием языков». И не о том ли, не о вселенском ли предчувствии тайны Его и тайны Его Матери говорит и то, что даже на небесном своде, в таинственной книге звезд прочитали люди свидетельство об этой тайне, назвав одно из созвездий именем Девы. Люди ждали. Вся жизнь человечества была устремлена к единому мигу и Ее явлению.

И Она пришла. Она явилась не в призрачном великолепии земного величия, не в красоте олимпийской богини, не в пышности царственной роскоши явилась Она чающему миру. Там, в далекой Галилее, где небо такое голубое, где так прозрачен воздух, где так благоухают цветы и травы, пришла Она в облики совершенной тишины и совершенного смирения. Как одна из галилейских женщин, выходила Она из назаретской хижины со своим водоносом и шла к водоему, и люди шли мимо, касались Ее одежд, называли Ее – Мария. И не знали, что здесь, под этим покровом – величайшее сокровище мира, ради которого был нарушен безмолвный покой небытия и призвана к жизни вселенная. И только, быть может, один Иосиф, когда касался Ее руки своими старческими руками, ощущал веяние несказанной тайны и волны, готовой затопить мир благодатью. Но ангелы приходили к Ней и склоняли перед Ней колени, приветствовали Ее «Радуйся!» и называли «благодатной».

И был день, для всех людей и для всего мира похожий на все земные дни. В этот день так же, как всегда, суетились, мучились, веселились в своем невеселом веселии люди. Но в этот день решалась судьба мира. Она сказала «Се, Раба Господня», Дух осенил Ее, и Она зачала во чреве Своем Слово Жизни. Девять месяцев Она носила Его под сердцем, Она приняла Его в Свои руки. Она видела Его первую улыбку, первые неуверенные детские движения. Она видела и знала то, чего никто не видел и чего никто никогда не узнает, потому что евангелисты не сообщили нам почти ни одного слова об этих сладостных тайнах первых лет. К Ней первой пришли испуганные пастухи и Ей рассказали о страшных видениях ангельской славы. Далекие мудрецы Востока пред Ней излагали свои вычисления, плоды своей мудрости. К Ней протягивал Симеон свои дрожащие руки, и Она слышала его ликующий пророческий гимн и жуткую загадку об оружии, пронзающем Ее сердце.

Она открывала Книгу Закона и вместе с Ним становилась на молитву перед Отцом Небесным. И когда, много лет спустя, Он выходил на страшный путь общественного служения, Она подвела Его к первому чуду. И когда от Божественного прикосновения вода в водоносах Каны искрилась радостным вином, Она стояла рядом и Она одна, быть может, поняла страшный смысл Его слов о «Его часе» и в этом первом ликовании прозревала и величественную тишину Тайной Вечери, и ужас Голгофы, и торжество Воскресения. Потом наступили другие дни. Тишина первых назаретских дней отступила от Него, и вместе с ней отошла в тень Его Мать. Около Него были другие – Его ученики, друзья, действительные и мнимые, толпы любопытных, кающиеся грешники, вопрошающие книжники. Эта толпа как бы оттеснила Ее собою.

Она ждала. Она ждала, что Ее время еще придет. И оно пришло.

Был день, когда Его оставили все. Ученики отступились от Него, один предал, другой отрекся, остальные разбежались в страхе. Исцеленные Им, воскрешенные к жизни, помилованные и облагодетельствованные, все еще так недавно теснившиеся к Нему, составлявшие Его окружение, теперь куда-то исчезли, скрылись в иной толпе, толпе проклинающих, издевающихся, предающих на позор. Одиноким, беспомощным, поруганным и опозоренным, Он умирает на кресте. Это был Его час, о котором Он помышлял еще в Кане. Но вместе с тем это был и Ее час. Отошедшая в тень, словно оттесненная от Него народными толпами в дни Его славы, теперь – в день Его позора и Его оставленности и одиночества – Она опять была с Ним здесь, рядом, у Креста, разделяя с Ним последнюю муку, Его несказанную скорбь. Бывшая единственной Свидетельницей беспомощности Его младенчества, Она видела теперь иную, более страшную беспомощность. Соучастница первой тайны – Его рождения, Она стала

соучастницей тайны Его смерти.

Понятно поэтому, почему Ее образ так неразрывно связан в жизни и сознании Церкви с образом Ее Сына. Нет имени более близкого, более сплетенного с именем Иисуса, чем имя Мария. И здесь в храме, как там в вечности, Ее лик ошуюю Престола Божественной Славы – одесную предстоит Он.

Множеством имен прославляет Церковь Ее, стремясь в этом множестве запечатлеть отдельные грани Ее тайны. Но из всех имен этих три имени, кажется мне, больше всего говорят об Ее совершенстве. Имена эти – Приснодева, Богоневеста и Богоматерь. Церковь называет Ее Приснодевой, иногда просто Девой. В одном из величайших гимнов, посвященных Ей, в кондаке Рождества, Церковь возглашает: «Дева днесь Пресущественного раждает». Не слишком ли мало, не недостаточно ли сказать о Ней – Дева? Конечно, всякое имя в приложении к Ней кажется недостаточным и несовершенным. Но из земных слов имя «Дева» как будто ближе всего подводит к Ее тайне. Нет добродетели более горней, более необычайной, более бескорыстной, превосходящей все земные, чем добродетель девства. Разливаясь пышным многоцветным потоком земных произрастаний, заполняет землю собою бурлящая в человеке родовая стихия. И вот весь этот поток, собирая воедино, девство устремляет к небу. Оно приносит в жертву Богу самое сокровенное в человеке, самые корни человеческой жизни и человеческого существа. Их просветляет оно и освящает горней святыней. Поэтому девство накладывает на человека ошутимую, даже и не для особенно прозорливых очей, печать вечности. В истории человечества было немало девственников. Их знает не только христианство, но и языческая глубокая древность. Но ни в ком из этих девственников и девственниц стихия девства не сохранилась до конца убеленной и неприкосновенной. Каждый сопричастен скверне, если не в касании плоти, то в касании духа, в неуловимых движениях мысли и сердца. И только Ее – Ее одну называет Церковь Единой Чистой, Преподобной, Приснодевой.

Если бы не было Ее, то должны были бы мы сказать, что все на земле поругано и осквернено, все несет в себе семя тления, все дышит зловонным дыханием смерти. Но Она была, Она есть, и вместе с Нею на нашу землю упал кусок чистой лазури, освящает собою весь мир и каждого, прикасающегося к Ней, нетленная и непорочная Святыня. Церковь называет Ее Богоневестой. Этим хочет указать Церковь на особенную, только Ей данную близость к Богу. Не только потому Она близка Богу неизреченной близостью, что Бог Слово вошел в Ее недра. Его тело было выткано из Ее тела, было частью Ее плоти. Нет. Кроме этой близости, особой, непонятной для человеческой мысли и неизреченной в слове близостью была Она близка к Богу, к Духу Святому. «Дух Святой найдет на Тя, и Сила Вышняго осенит Тя, темже и раждаемое Свято наречется Сын Божий» (Лк. 1:35). Дух осенил Ее полнотой Своего осенения. В этом тайна Ее

Рождества, Ее уневестия Богу. Ведь Бог создал мир для того, чтобы обручить Его Себе, заключить с ним таинственный брачный союз через человека. Но проходили века и тысячелетия, и не было в мире ни единой человеческой души, достойной Божественного брака. И оставались мир и человек одинокими, отверженными от вечности, отделенными от Бога бездной своей нечистоты и своего несовершенства. Но когда появилась Она и когда Ее имя Мария прозвучало на земле, тогда Бог с высоты Своего престола увидел наконец на земле человеческое сердце, достойное и способное принять дар Божественной и совершенной любви. И Он обручился с Нею кольцом вечности, обручением Святого Духа. Так совершился вожделенный в веках брак, ради которого был создан мир.

Церковь называет Ее Богородицею. И этим говорит Церковь, что в Ней и через Нее находит новое освящение и свой смысл не только тайна Девства, но и другая жуткая тайна – тайна рождения в мир человека. Эта тайна есть тайна надежды. «Женщина, когда рождает, терпит скорбь... но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир» (Ин.16:21). Рождение человека – рождение надежды. Один индусский мудрец говорит, что появление человека в мире, каждая детская головка всякий раз свидетельствуют о том, что Бог еще не отчаялся в созданном Им мире. Мы живем жизнью темной, томительной и преступной. И мы знаем, что наша жизнь не настоящая. Где-то в самой сокровенной глубине своего существа мы ощущаем, мы верим, что есть жизнь иная, просветленная и совершенная, и что тайна этой жизни недостижима для человека. И вот, когда темное отчаяние от бессмысленности, от неподлинности нашей жизни овладевает нами, мы вспоминаем о детях. Если бы не было детей, отчаяние было бы беспросветным. Но кругом нас и за нами дети. Пусть мы жили нашу жизнь в потемках, пусть мы не пришли к желанной цели и даже не можем дать себе отчет, где и в чем она, эта цель. Но за нами дети, и мы верим, мы не можем не верить, потому что без этой веры нет жизни, что они найдут то, что мы тщетно искали, войдут в Обетованную землю, которую мы не увидали ни разу. Перед ними откроются наконец закрытые для нас врата правды и блаженства. Так, умирая, подводя итог прожитому, каждый из нас и каждое поколение хочет оправдать свою жизнь, найти ее смысл в будущем, в грядущих поколениях, в детях. Они придут, они должны прийти к свету – значит, не напрасно прожита наша жизнь, не напрасно мучились, страдали, изнемогали мы в нашей борьбе и в нашем томлении. Но поколения сменяются, и цель по-прежнему остается недостижимой и неопределимой. Обетованная земля маячит только в мечтах. Врата вечной тайны закрыты наглухо и безнадежно, и каждое поколение несет в мир не исполнение надежд, но тоску разочарований и бессмыслицы. Если бы не было Вифлеемских ясель, если бы не прозвучало в веках это слово «Богородица», то бессмысленной была бы вся человеческая история и не было бы оправдания бесконечным и бесплодным тысячелетним страданиям человечества, этой бесконечной цепи бесчисленных человеческих рождений. Но нет, совершилось в веках Вифлеемское чудо. Порвалась она, эта цепь, вплелось в нее Божественное звено вечности. В несказанном Рождестве Богородице обретает смысл и завершение вся полнота человеческих рождений. Им освящается она, в Нем находят совершенное оправдание все муки и все страдания, потому что рожденным от Нее был не человек

только, но Бог, Богочеловек. «Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин.1:14).

Но не только прошлое человечества и мира обретает в Ней и через Нее свое оправдание и свой смысл. Ею освящается и вся полнота нашего настоящего и нашего будущего. Наша жизнь святится Церковью. Маленькое наше бытие от истоков Церкви орошается животворящею струей, а тайна Церкви – Тайна Богоматери. В Церкви каждое таинство и каждая молитва связаны с Ней, с Ее именем, совершается Ее ходатайством, Ее помощью. Она Живоносный Источник Церкви, Облако, окропляющее Церковь благодатью. «Если, – говорит один мыслитель, – Христос – Глава Церкви, то Богоматерь – Ее Милующее Сердце».

А наше будущее, светоносное и лучезарное будущее человечества и мира – оно в Богоматери. Через Нее человечество и вся тварь, каждая былинка и каждое дыхание жизни, каждая плоть устремляется к вечному бытию в несказанном свете, к совершенному обручению, к осиянной полноте Духа. Она – Жена, Облеченная в Солнце. Она – горний Иерусалим, украшенный, как невеста, для брачной вечера Агнца.

Дни поста – дни раздумья и самоиспытания. В эти дни душа с неудержимой силой влечется к новой, совершенной, облагодетельствованной жизни, отвращаясь от удушливого «вчера» с его засасывающей и томительной греховностью. Влечется и изнемогает в мучительной и бесплодной борьбе с поднимающейся из всех пор души самостью и тьмою. Поднимается в молитвенных взлетах и падает снова в роковое бессилие, в тяготу непрестанно повторяющихся соблазнов и отступлений. Но никто, никто, может быть, не ощущает в такой полноте труд, и отраду, и подвиг этих дней, как мы, пастыри Церкви. Здесь, у этих аналогов, открываются перед нами каждый час, и днем, и вечером, и ночью, язвы человеческих душ, их непосильная борьба, позор падений и безнадежная, изнемогающая усталость. Бессильные помочь, такие маленькие и слабые перед этой бездонной пучиной греха и скорби, как никогда, быть может, мы ощущаем в эти дни скудость наших сил и немощь нашего слабого человеческого естества. И не находя в самих себе ни сил, ни ответов, ни светоносной и помогающей другим благодати, именно в эти дни, как никогда, быть может, протягиваем мы наши руки туда, к Ней, нашей неустанной Помощи и Утешению, вручая Ее заступлению и любви страждущий и заблудившийся мир и изнемогающие человеческие души. Ведь Ее называет Церковь – «Стена Нерушимая», «Радость всех скорбящих», «Радость всех радостей», «Неопалимая купина», «Умягчение злых сердец», «Взыскание погибших».

«О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, ангельский собор и человеческий род,

освященный храм и раю словесный, девственная похвало, из Неяже Бог воплотися и Младенец бысть, прежде век сый Бог наш. Ложесна бо Твоя престол сотвори и чрево Твое пространнее небес содела. О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, слава Тебе».

18 марта 1925 г. Вторник.